ЗА ДАЛЬЮ ДАЛЬ

Насчет человекоядения, как и вообще о чревоугодии,
два мнения есть, а может быть, и не два.
Безусловно ли надобно мыть
руки перед едой, или достаточно протирать их одеколоном?
Большинство (говорят) склоняется к первому варианту.
Традиции цивилизованности, опрятности, буквализма.
Ах, почему же мы не рождены управлять пересыльным
чем-нибудь, превращая его неустанным трудом в симфонию, –
а зачем-то засунуты управлять только этой жизнью,
которая вовсе была б лишена перспектив и захватывающих наворотов,
если б не наша заслуженная гастрономия?

Но некоторые предвещают: придётся, дескать,
осваивать одеколон :(Тоска!
Недаром – пришли, говорят, последние времена! Но ещё пока
есть куда разбежаться – играй, играй и за далью даль.

ДРУГОЕ ПИСЬМО ИРИНЕ, О СУЕТЕ СУЕТ

Помнишь ли, как пред барышнею самоуверенного возраста на колени падал, бился
в истерике подлинной апологет упадочной философии, с воплем «Производи!
Производи!», а она отвергала его единым движеньем руки
с ногтями кроваво-красными, так изящно?

Вспомни ещё, как истекали мозги в больших черепах, неплохо украшенных
очёчными оправами,
в знойнейшей середине июля, в долгих дискуссиях о непредпочтительности
абортивных мер? О, зря ль в самую что ни на есть жару самоотверженно сочинялись
их резолюции, чтобы отправиться после по инстанциям и к самим
производительницам, в народ?

А с другой стороны, да мало ли было попыток пресечения неуместных поползновений
на что-то такое — в общественном транспорте, в академических аудиториях,
да что там! — в общественных банях, в университетских библиотеках, предназначенных
вообще-то для неторопливого вчитывания в насыщенные фактами сочинения —
где ж это бедствие только
не свило себе гнезда! Но тщетны и тем восхитительны в их увлечённости
запретительные порывы.

Мысленным взглядом окинув весь этот опыт и сотен и тысяч, как не воскликнуть
ах *суета сует*! Баба — что баба? Ну скажем, родит или не родит, но ведь это имея в виду,
будет вокруг увиваться некто, преподнося чуть ли не яблоки на снегу
или там что ещё. А к детородству пригодная баба —
возьмёт да и уедет заместо многообещающих всех этих дел
жизнь прожигать, например, в M.I.T., и тоже в своём ведь праве, и на этом чьей-нибудь
сказке
конец. Так-то вот и романы захватывающие заканчиваются ничем,
бывает.

***

Примирены, примирены там будем,
или — и здесь, но потом, —
и что же? Проходить мимо
мальчика, мордующего собаку,
соседа, мордующего супругу, мимо группы установленных лиц
по предварительному сговору, — ?...

Думаю о том старом философе, покинувшем родину, в аккурат
перед тем как её накрыло крыло соседней державы
и в кислоте растворило, но угодившем в объятья другой державы, где
избраннейшие из людей несли на себе инсигнию «с нами бох»,
и прошедшем в смертельной близости мимо печей, а позже
создавшем учение, что человека всегда недостаточно, —
как он сказал, когда молодой коллега рассказывал, мол,
дискуссии о нацизме Хайдеггера в последние годы
пришли к тому, что неоднозначно всё в этом очень особом случае, —
он сказал ему вдруг по-русски, на языке своего
детства: «эти старинные байки меня больше не убеждают».

...больше не убеждают. Так вот, это знание: «все там будем»,
или «придёт рассудит», «внезапно», — было ли всё это чем-то большим,
нежели детской игрой мальчика, уговаривающего самого себя
всё-ж таки выйти из дома на тёмную улицу, по нужде?

2016

АРХИВИСТ НА ДАЧЕ. ВИЛЬНЮС ИЛИ ВАРШАВА, 1981

Прошлое. Дверь за спиной — не захлопнута, незнакомые цикады-плезиозавры
откуда-то свищут,
трещат, будто за дверью сад и будто бы он переполнен ими.
Здравствуй, явился. А выйдешь — пусто, благоустройство что ли
там состоялось. Кто-то убрался.

О, обустройство сада чужой рукой! Обопрёшься своею, а под ладонью — дерево.
Дерево вишня, дерево зиккурат, дерево абрикос.
Изгороди в низине, гравий дорожки, проволока загородки
грядок бывшей хозяйки дома. Вниз, по направлению тяготения, тропка. Когда
здесь могли проехать повозки? Сто лет назад, или пятьсот лет назад. Могли.

Луг, за ним болотце. Речка. Окраина городка.

Хранитель скрипа чужих манускриптов,
ты вдруг отправляешься дальше, за этот ручей. Там склон, а над ним шоссе,
уложенное, очевидно, поверх
древних камней. И кто встречает на нём — неумытый танк, или девочка в платье,
напоминающем о картине
«Муза процветания на баррикаде»?

2016

***

Теле-провал с чёрной, но влекущей поэтикой ада здесь-и-сейчас.
Недомолвки, подгонки. Самолёт провалился в тартарары,
проявился с другой стороны земли,
притащил неизвестно откуда отряд вуду, теперь они
размножаются здесь и там.
Это клип скоростной, кто подсел на него, рискует
инерцией вспышек быть выброшенным из этого мира.

Наблюдатель здесь неуместен. (Наблюдатель — от слова «блюсти»).
Кирка, топор, штык-нож —
вот что сподручно, когда уже нет места «любви ненаучной».
И прочей любви вообще: пришли времена
размножения отпочковыванием.
Продолжая всего лишь смотреть, рискуешь ощутить себя сукой
(самкой нелепого, нездешнего миттельшнауцера).
Но ты продолжай смотреть. Утешенье, оно же подсказка:
разве из нас хоть один — не миттельшнауцер,
разве из нас хоть один — не чихуахуа
перед лицом недалёкой уже войны?

2014

НАПИСАНО НА МОСКВЕ

Девочка-скерцо, девочка-вдова
уходит в соц. сеть ночью, когда ребёнок уснул, и там
пишет письма, мол, ездили к тёте, купили зонтик, заходил Николай, ты
всё не пишешь, он спрашивал о тебе, в садике новая воспитательница,
гречанка, а ты где —
девочка-вдова
была девочка-скерцо, адресат — отец её дочери, он похоронен вблизи границы,
допустим, мы это знаем, она, тогда ещё нет. Такой аккаунт, письма из этого мира. Я
завтра выйду из дома отправлюсь, да, на работу, где предстоит беседовать
с ещё одним теоретиком людоедства,
жителем метрополии, сочинителем книг, проповедником благости
пограничных войн. Девочка-вдова, девочка-мамка всё это время там пишет, или
уже не пишет. Какие выводы делаю я,
читатель разнообразных блогов, из чтения этого блога? К сожалению, ненависть,
ненависть, только ненависть
к людоедам, поклонникам всего огнестрельного —
чёрт бы их всех побрал! Но вокруг ведь Великий пост, так я

бью себя по рукам, но по-прежнему — ненависть, ненависть! Девочка-скерцо, девочка-вдова, её длинные письма убитому мужу. Конец истории, давай титры

2016

***

К Денису Грекову

Если бы я снимал настоящий фильм про войну,
я бы начал его, минуя парады, сразу
с бомбардировки, — потом четыре бомбардировки,
восемь, одиннадцать, двадцать семь бомбардировок,
сорок три бомбардировки, и разрушающееся здание,
развалины разрушенных сооружений, горящие под
эти зданиями подвалы, выгорающие ещё и ещё раз,
ещё и ещё раз, —
в этом месте фильм уже должен остоебенить. Далее — операция,
где отрезают ноги, зашивают живот, одно и то же несколько раз, отрезают ноги,
зашивают живот, в этом месте фильм уже как бы не про войну,
а «про жизнь вообще», поэтому снова
бомбардировка, как реминисценция первоначальных сцен,
затем сюжет — голодная девочка тонет в холодной воде,
не спасясь с уничтоженного корабля. Ещё раз тонет, теперь по-быстрому.
И тогда, чтобы те, кто досмотрел досюда, не ушли обиженными,
героический танк, врываясь в предместье, сметая пулемётные гнёзда,
прорывается в центр городка! И там, на Рыночной площади, освобождённые
прекрасные девушки бросают цветы к подножью его постамента! И всё.

***

А вот, написать бы стихотворение, как
любовь во время войны и т. п. делает неинтересными
новости издалека, потому что, увы, неизбежны вокзал, корабль, самолёт
и ожидание: это вновь, это вновь, и пускай потом, но ведь будет!
И это любовь. А думаю я, пересекая московскую улицу Гарибальди, всё равно о том,
как вот, ровно сто лет назад, поутру гуляя неподалёку отсюда,
в пригородных полях, с флягою и с ружьём в руке,
ровесник самоуверенный мой, некий приват-доцент,
рассуждал про себя о гуманитарном кризисе,
и сумерки Римской империи прозревал в грозовых облаках над рекою Тиссой,
но сам-то он пребывал под защитою стен святых, культурно
готовил к печати очередные статьи — и он же
ровно четыре года спустя рыдал от безнадёжности под воротами
какого-то богатого дома уже в Стамбуле-Царьграде, уже не приват-доцент,
а почти доходяга, складываясь пополам
на жёстких камнях мусульманского гиблого города. И всё это вроде почти вчера.
Что толку быть собой, не ведая стыда?

А вот неймётся ж человеку своё мнение иметь!
Да вот хоть соседу — о том, что закрыть все двери,
хоть как на подводной лодке, и пусть они там загнутся —
уж мы-то пересидим! Да хоть и на дне, не страшно. Пересидим!
Как не было этих ста лет. Хотя впрочем были, и потому —
кровавое кей-джи-би всё уже в прошлом, да?

А там, за лесами, полями, другая страна, тридесятые королевства-республиканства,
и там, было дело, натанцевались, накувыркались, и кто-то со шлюхами пил кофей,
а кто-то и шёл в номера. Ого! Но всё ж и они как-то всплыли,
теперь зажигают уже по-другому, цивилизованно. Пример нам или не пример?
Такая теперь любовь, расчётливая, и всё-таки недалёкая. Самолёты
ещё, говорят, летают.

***

Ирине Бондас, переводчице

Два представителя «местных», – он и она, –
приглашены на международный семинар
прочитать стихи о своих туземных событиях.
Тексты уже переведены британским экспатом,
специалистом по истории региональной
литературы. Туземка в очках, полузаслонённых чёрною прядью, –
верлибр: трое, запертые в подвал,
на день седьмой изнасилованы восемью,
подвешены за ноги
и уже перестали стонать,
собственные жидкости приняв в себя.
И подвал сохранил тела их от артобстрела.
Участники семинара слушают чтение, глазами следят
за напечатанными в приложении к программе
текстами переводов, руководитель секции думает:
«quite a sensitive topic, quite an intensive reading, nonetheless
it is excellent»; улыбнувшись, легонько кивает. Туземная женщина
не улыбается. Ожившие в ней голоса стихают, она говорит себе:
«всё-таки будет по-нашему, по-моему».
О чём, кстати, этот англоязычный семинар? Об идентичности? Точно,
Об идентичности. Самость, идентификация, identity, самосвідомість.

2015, Берлин

ЛЮБОВЬ

Он литератор, она швея, вот вам начало какой-то дружбы. Страстной?
В благотворительном обществе поставлена «Смерть Тарелкина»,
на премьере они — на ступеньках рядом. Общий знакомый в Ревеле,
его дядя писал по вопросам политэкономии. И посещённые в детстве одни и те же
парки, и что вы читаете и т. д.

Он не из «этих», он тренирует копьеметателей и бегунов в пролетарском клубе,
разносит газеты в Пренцлауэрберге. Упражняется в прозе, оглядываясь на В. Сирина.
Она-то хоть и швея, но мечтает: Земля Кайзера Вильгельма, Каролинские острова,
Самоа. Станция в пальмах, обучение меднокожих закону Божьему, медицине.
Дневник, заполняемый под возгласы ночных неизвестных птиц, и особая радость: письма.

Он это всё принимает с восторгом — не век же вертеться на берегах Шпрее!
Давай-ка грядущим летом
доедем с тобой до Южного берега,
наймёмся на пароход,
и пусть он нас увезёт
туда где звезда Пасифики не заходит
и никого кроме нас там не будет
и все окрестности окажутся прекрасны!
И на мосту они целуются согласно.

2017